

— А что, барыня, ничего сегодня в газетах о вчерашнем убийстве не написано?

— О каком убийстве?

— Да была я вчера в *киатфе*, так там один актер в комедии жену свою застрелил из пистолета. Его тут же захватили другие актеры. Я было вздумала свидетельницей объявиться. Подхожу к околоточному, так и так, говорю, «Ваше благородие, желаю я в *этом* самом актерском убийстве свидетельницей быть». А околоточный мне: «Идите, говорит, матушка, с Богом домой!» Надо полагать, там и без меня *свидетелев* много нашлось. И как же мне жалко стало актерскую жену — просто рассказать не могу! А все ревность, барыня, она актера-то до убийства и довела. Да, много нашей сестры из-за *этой* самой ревности от мужчин безвинно муку принимают!

Шутъ

Театральные известия. № 814.

29 января 1898 г.

1898 год, май, 11^е число

Ржавой занозой ранила душу, липла к мыслям скользкой грязью, вязким дегтем, черным сном. Не было от нее спасения. Уже не осталось ни звука, ни отголоска, ни шепотка, два дня как минуло, а нет все покоя. От сомнения мучительного Халтурин стал сам не свой. Службу толком нести не может, ни есть, ни спать. Все думал да гадал: что же такое случилось?

Товарищи по полицейскому участку, видя, что со старым городовым творится неладное, донимали расспросами, пока Халтурин не рывкнул, чтобы отстали. Нос суют куда не следует, проку от сотоварищей никакого. Что они понимать-то могут? Да и как рассказать? На смех, чего доброго, поднимут. Скажут: «Наконец-то наш Митрич бесстрашный страх испробовал». Не бывало такого, чтобы городской высшего оклада Халтурин, отмеченный благодарностью начальства и медалью «За беспорочную службу в полиции», кого боялся. В воровское логово на Никольском рынке сам заходил, зверюгу-убивца, что семью топором изрубил, в одиночку вязал, ни перед кем не дрожал. Давно, конечно, это было, но порода крепкая,

мужицкая. Сединами закалилась. И вдруг слабина позорная. Хуже того, некому душу излить.

К душевным мукам Халтурин не был приспособлен. Намаявшись так, что и врагу не пожелаешь, собрался с силами и отправился на второй этаж. Вежливо постучал, маленько приоткрыл дверь, испросил дозволения войти. Пристав дружелюбно махнул: заходи без церемоний. Хозяин 1-го участка Петербургской части, подполковник Левицкий, был человеком армейским, простым и доступным. Визит городского к нему в кабинет — дело привычное, всякая нужда по службе случается.

Простота обращения между приставом и подчиненными завелась сама собой. Участок был небольшим, куда меньше соседнего 3-го и даже 2-го участка Петербургской части. Состоял в основном из огородов, во множестве разбитых на глухой Петербургской стороне, да нескольких улиц с каменными домами. Из полезных владений — Сытный рынок. Из развлечений — Александровский парк с Зоологическим садом и театр «Аквариум». На территории участка находилась Петропавловская крепость. Но соваться туда нечего: там тюремная полиция правит, да и место страшное, мрачное, обходи стороной. В остальном — все мирно, по-семейному.

Левицкий предложил городовому садиться, пошутил про первые майские деньки, что пьяной черемухой веяли в распахнутое окно. Сел Халтурин на стул, охнувший под его весом, и потупился. Сам на себя не похож. Всем известно: старый городской отличался добродушием и даже веселостью. Что службе не вредило.

— Случилось, что ль, чего, Митрич? — по-простому спросил пристав, подставляя теплой прохладе лицо, которое тут же начала щекотать уличная пыль. И откуда только берется?

— Не знаю, как и сказать, Евгений Илларионович, — без поминания звания и «вашего благородия» ответил Халтурин, что дозволялось ему из уважения лет.

— Говори как есть. В роте что-тостряслось? Опять из младших кто, напившись, на службу не вышел?

— Никак нет, в роте порядок, заступили на посты.

Что ж, уже хорошо. Разбираться с проступками городских Левицкий не любил. Да и что со служивыми сделаешь: выгнать не выгонишь, на гауптвахту не посадишь. Только добрым словом и кулаком можно вразумить. Особенно кулаком. Без него доброе слово входило не так глубоко.

— Так... А что такой хмурый? Выкладывай, не таись.

— Слушаюсь, — Халтурин оправил ремень, что стягивал уже летний, беленого сукна, кафтан. — Дело второго дня помните?

Левицкий помнил все. Происшествий немного, каждый рапорт прочитывал.

Действительно, 9 мая¹ на Каменноостровском проспекте случилось заурядное происшествие. Лошадь испугалась, понесла, извозчик не справился, пролетка выскочила на тротуар и задавила случайную прохожую. Под копытами и колесами не уцелеть, бедняжка сконча-

---

¹ Используется старый стиль. — *Здесь и далее примеч. авт.*

лась на месте. Погибшая, мещанка Макеева, проживала на Зверинской улице, шла к подруге в гости на Большую Посадскую. Перешла бы проспект на минутку раньше, осталась жива. А если бы лошадь понесла чуток левее, то происшествие досталось бы соседям: граница полицейских участков делила проспект ровно по середине. Протокол был составлен верно, свидетели подписались. Тело отправлено в морг Мариинской больницы. Извозчика лишат патента месяца на два, да какой с него спрос. Лошадь — животное самовольное.

— Дело закрыто, — сказал Левицкий. — Обязанности свои, Митрич, ты исполнил примерно. Толпу отогнал, вызвал с ближнего поста городского Илюхина. Турчановичу подсобил с оформлением и свидетелями. Дождался санитарной кареты и тело помог погрузить. Все бы так службу несли.

— Благодарю, господин пристав, да только не во мне вопрос, — ответил вконец помрачневший Халтурин.

Поведение городского казалось странным. Если не сказать — непонятным. А непонятностей пристав на дух не выносил.

— В чем же тогда вопрос? — со строгостью в голосе спросил он.

Халтурин выпрямился, будто решил на что-то важное.

— В протокол кое-чего не вошло, — доложил он.

Такой поворот никуда не годился: если городской что-то утаил, а теперь сознаться решил — чего доброго, дело возвращать придется. Приставу — возня и морока, от начальства выволочка. Лучше бы Митрич помалкивал.

— Почему сразу Турчановичу не доложил? — Левицкий стал сух и резок.

— Как о таком доложить, ваше благородие? — отвечал городской, уловив перемену в голосе начальника. — О таком не доложишь...

— Да что там случилось?! — вскрикнул пристав раздраженно. Не хватало, чтоб городской распускал нюни, словно барышня.

— Разрешите доложить по порядку...

Левицкий нетерпеливо махнул, мол, чего уж там.

— Значит, тело проверил, она уже последний вздох испустила, — начал Халтурин. — Лежит, бедная, глаза в небо, лицо тихое, кукольное, милое, жалостливое...

— Избавь меня от этих тонкостей.

— Слушаюсь... Так вот, значит, собралась толпа. Не так чтобы много, а с десяток, как обычно. Я прикрикнул, чтобы отошли. Они подвинулись. Пялятся на несчастную, будто развлечения им не хватает. И тут, откуда ни возьмись, оно...

— Что это — «оно»?

— Песня, — выдавил Халтурин и преданно взглянул на пристава.

Левицкий в первое мгновение маленько растерялся.

— Что «откуда ни возьмись»? — переспросил он.

— Песнь, ваше благородие, — удрученно повторил Халтурин. — Или голос, как изволите.

— Романсик популярный исполняли?

— Никак нет, ваше благородие, что-то такое на иностранном. Протяжное, жалостливое, мучительное, и...

и... — тут у Халтурина не нашлось слов, чтобы описать пережитое.

Не такой был человек городской, чтобы с подобной чувшью отнимать бесценное время пристава. Левицкий это знал и раздражение сдержал.

— Хорошо, Митрич, пел кто-то песню, — ровно проговорил он. — Тебе-то что за печаль?

— Как запел голос, я словно в камень обратился, шевельнуться не могу, стою как вкопанный. Толпа замерла, никто не шелохнулся, словно волшебство нашло какое. Кажется, прикажи мне, пойду за голосом, как теленок за мамкой... Такой красоты невысказанной, неземной. Душу вынимал, сердце разрывал. Чуть слезу не пустил...

Городовой разглядывал потолок, будто туда, в выши-ну, и улетел голос.

— Ну и дальше что? — спросил пристав.

Халтурин, вздрогнув, словно очнулся от видений.

— Ничего, ваше благородие. Как сгинул голос, так все и ожили, оглядываются. Не понимали люди, что с ними было. Я, конечно, толпу обошел, но без толку: никого не приметил.

Задача для пристава выходила не самой понятной.

— Голос женский или мужской? — спросил Левицкий, чтобы не показывать сомнений, на какие не имел права.

— Не разобрать. Красоты невозможной...

— Значит, женский.

— Я с тем согласный, — сказал Халтурин. — Потому как иного быть не могло.

— Чего не могло? — не понял пристав.

— Так ведь это душа отлетевшая пела, вот что. Звала меня за собой в прекрасный рай иного мира... Помру я, видать, скоро. Уж ангельскую песнь услышал... Мне она пела, мне... Все, конец мой настает, не иначе... Отслужил Халтурин свое, пора под могильный камень...

На лице городского читался миллион терзаний, которые крепкий мужик перетерпел, пока изливал душу. Смеяться над искренним горем непозволительно. Но и допускать в полицейский участок всякую мистику не положено. Тут полиция, а не спиритический салон. Пристав понял, что должен действовать быстро, точно и просто. Как в армии. Для начала он налил из графина полный стакан воды и заставил городского выпить залпом. А когда тот, кашляя, утирал рукавом усы, приступил к возвращению его мозгов в служебное состояние.

— Будем, Митрич, рассуждать логически, — сказал Левицкий, сам не веря, что сказал этакое. — Толпа зевак голос слышала?

— Так точно, — ответил городской.

— Коли слышали все, выходит, не тебе одному голос пел. Не за тобой он явился. Так?

Простая догадка стала Халтурину спасительной соломинкой.

— Так точно, ваш бродь, — оживая, отозвался он.

— Теперь главное: пост твой где? — спросил Левицкий и сам же ответил: — У сада и театра «Аквариум». А что в саду том находится?

— Да мало ли чего, всякой растительности хватает.

— Сцена летняя! — прикрикнул пристав, чтобы вернее дошло.

— И такое имеется, ваш бродь...

— На сцене той как раз песенки актрисы распевают.

— Ах ты... Сцена же летняя! — пробормотал городской с таким удивлением, будто перед ним открылись чертоги разума.

— Услыхал ты незнакомую песню, как полагаю, на французском языке, — победно закончил Левицкий. — Хорошая певица, раз тебя так пробрало. Небось мадемуазель Горже или Мария ля Белль старались. Понял, Митрич, свою ошибку?

Простые доводы вернули городского к жизни. Мучениям пришел конец. Поживет еще, послужит. Никто его на тот свет не зовет. А наоборот: на этом его призывают нести полицейскую службу, как прежде. В лице пристава призывают. Который и выпроводил Халтурина из кабинета, отечески похлопав по служивому плечу и пожелав не забивать голову баснями, а следить за порядком в роте.

Когда за городовым захлопнулась дверь, Левицкий вернулся в кресло, закрыл глаза и подставил лицо ветерку.

Участок располагался на Кронверкском проспекте, окна кабинета выходили на зелень Александровского парка и ворота Зоологического сада. Откуда часто слышались звериные голоса. Сейчас долетел отголосок мощного рыка. Неизвестно отчего мелькнула странная мысль: «Зверь явился!» Возникла и исчезла, оставив на душе липкий след.

Городового Левицкий, конечно, уболтал. Но сам-то, как частый гость «Аквариума», знал: на летней сцене выступления начинаются в восьмом часу вечера. В полдень ни одну актрису на сцену не вытолкать. Правда была неприятной и ненужной, и пристав старательно отогнал незваную гостью. Не хотелось ему разбираться, чей голос околдовал Халтурина, откуда взялся, что пел, зачем пел и куда исчезла певунья. Все эти вопросы были пустыми. Не имевшими отношения к полицейской службе.

Отринув бесполезные глупости, Левицкий целиком отдался наслаждению весенней прохладой. В окно залетела ранняя бабочка и села на краешке рамы. Пристав улыбнулся безобидному насекомому.